

© 2011 г. Л.Г. Зимовец

УДК 141.3

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ У Н. БЕРДЯЕВА

Культурно-историческая концепция Н. Бердяева – это своеобразный опыт синтеза предшествующих теорий. Ориентируясь на идею общечеловеческой культуры, сохранив историзм и отвергнув идею развития линейных схем, Н. Бердяев отдает приоритет духовности в понимании сущности культуры. Он значительно обогатил представление об исторических типах культуры, хотя сама проблема типологии культуры мало занимала исследователя. Поэтому нет никакой возможности дать четкую схему типологии культуры у Бердяева, а можно лишь констатировать, что в основу своей типологии культуры Бердяев кладет самые различные принципы типологии культуры: географический, хронологический, национальный, религиозный и другие.

Очевидно также использование Бердяевым в своей типологии и библейской схемы. Он приводит две периодизации:

- по религиозным эпохам (откровение закона (Отца), откровение искупления (Сына), откровение творчества (Духа));
- разделение истории на два периода: до и после Рождества Христова.

С точки зрения Бердяева, «Христос – центр истории, смысл истории, история шла к нему и идет от Него» [1, с.159]. Бердяев убежден, что история только потому и есть, что в сердце ее Христос: «Христос перевернул всю историю мира, это факт, который вынужден признать весь мир, мир не только христианский по своему сознанию, но и чуждый Христу, и враждебный Ему» [1, с.160]. Бердяев подчеркивает, что человечество как бы сошло с ума, с языческого, естественного ума, пленилось личностью Христа, «отказалось во имя этой личности от всех благ античной культуры» [1, с.160]. В истории мира произошел космический переворот, началось подлинно новое летоисчисление, «изменился космический состав мира», «трансцендентное стало имманентным» [1, с.160]. «Самые позитивные историки знают, что после

Христа ось мировой истории изменила свое направление; Христос стал темой мировой истории» [1, с.160].

Совершенно очевидно, что на основании этого факта Бердяев выделяет языческую культуру и христианскую. Уже в язычестве открывалась бесконечная божественная мощь, лилась кровь жертвоприношений, но искупление не совершалось. Таинства язычества не спасали от смерти, надежда на спасение, на вечную жизнь не являлась, язычество было бессильно перед тлением всего мира. Язычество освящало плоть, плотскую жизнь, в нем был здоровый религиозный материализм. Однако ни одна древняя религия не была религией спасения, религия любви еще не явилась в мир. Языческие религии были необходимы на первом этапе жизни человечества, они организовывали жизнь рода, открывая элементарные истины, спасали человечество от гибели. Пантеистическое чувство бытия, лежавшее в основании язычества, было не дифференцировано, в древней стихии рода не была признана ни личность человека, ни человечество, ни смысл истории. Обогащение государства в Древней Греции свидетельствует о том, что и в утонченной и высокой культуре Греции не была признана личность. Мало того, в древней стихии рода не была признана не только личность человека, но не было признано и единство человечества, обладающее соборной душой и общим назначением. Древнему, языческому, дохристианскому миру была также чужда идея прогресса. Только у пророков начала зарождалась идея прогресса, только они чувствовали религиозный смысл истории. Пантеистическое чувство бытия, лежавшее в основании язычества, было не дифференцировано; в этом первоначальном пантеизме не выделялся еще не человек, ни человечество, ни смысл человеческой истории; все тонуло в стихии первозданного хаоса, начинавшего лишь оформляться. Лишь в самом конце античной культуры почувствовалась тоска и ужас перед индивидуальной судьбой, но то было уже созревание мира для принятия Христа, сознание неизбежности Спасителя.

Языческому типу культуры Бердяев противопоставляет культуру христианскую. Для духа христианского, для которого жизнь не может быть имманентно замкнутой, в этом мире невозможно достижение совершенных форм, тех совершенных форм, которых на вершине своей, удалось достигнуть древнему эллинскому миру, который создал образ земного эдема, совершенной красоты земной жизни. И в истории христианской Бердяев прозревает

попытки возрождения и возврата, тоску по эллинской красоте, но он уверен, что в христианском мире невозможно уже на веки веков это достижение красоты и это достижение ясности и цельности духа, потому что разорванность, которую вносит христианское сознание между земной и небесной жизнью, между жизнью временной и вечной, между имманентно замкнутым и трансцендентно- бесконечным миром непреодолима в пределах земной истории, земной культуры. «Небо разомкнулось над христианским миром, и открылось запредельное. В искусстве христианского мира нет уже и быть не может классической завершенности форм, имманентного совершенства. В христианском искусстве всегда есть трансцендентная устремленность к миру иному, к прорыву за пределы имманентного мира, есть романтическая тоска» [2, с. 297]. С точки зрения Бердяева, христианство создает тип культуры, тип творчества, в котором все достижения символичны. Так, искусство христианского мира, по природе своей, не классично, оно символично, но символические достижения всегда бывают несовершенны и никогда не обладают ясностью, ибо символическое достижение предполагает такую форму, которая является знаком существования чего-то совершенного лишь за пределами данного земного достижения. Символ есть мост, переброшенный между двумя мирами, он говорит о том, что совершенная форма достижима лишь за какой-то гранью, но недостижима в этом замкнутом круге мировой жизни. Бердяев уверен, что христианское искусство не создает совершенства, а говорит о тоске по совершенству и символически эту тоску изображает. И это характерно для всего склада христианской культуры. Если взять различие между архитектурой готической и классической, то это будет особенно ясно. В то время как классическая архитектура достигает здесь законченного совершенства, как купол Пантеона, готическая архитектура, по существу, несовершенна и к совершенству формы не стремится. Она вся вытягивается в какой-то тайне и томлении по небесам и говорит, что лишь там, в небесах, возможно достижение совершенства, здесь же возможно не достижение, а лишь томление, страстная по нем тоска. С точки зрения Бердяева, эта невозможность составляет характерную особенность и всей христианской культуры. Христианская культура, по своей природе, не может быть завершена. У Бердяева она обозначает начало вечного искания, томления, вытягивания вверх и лишь символическое отображение того, что за этими пределами возможно. Поэто-

му он убежден, что имманентное осуществление совершенства в культурном творчестве невозможно в христианский период истории.

И наконец, в соответствии с библейской схемой, Бердяев выделяет три религиозных эпохи. Эпохи божественного откровения: откровения закона (Отца), откровения искупления (Сына), откровения творчества (Духа). Первая, соответствующая Ветхому завету и откровению первой «ипостаси Бога – отца», есть фаза законнического сознания; вторая соответствует Новому завету и второй ипостаси «сыну», эта фаза искупления; и наконец, третий эон, на пороге которого стоит человечество, есть эпоха творческого сознания, соответствующего третьему, уже не божественному, но антропологическому откровению в «Духе» (не было еще религиозной эпохи творчества). Для Бердяева творческая религиозная эпоха связана с эсхатологической перспективой жизни. Таким образом, каждой религиозной эпохе соответствует определенный тип сознания и этики. Бердяев не выстраивает никакой хронологии в существовании этих эпох, все три эпохи сосуществуют. Он уверен, что хотя мир и вступает уже в новую религиозную эпоху, эпоху творчества, но не изжит еще до конца закон и не совершилось искупление греха.

Три эпохи божественного откровения в мире – три эпохи откровения о человеке. В первую эпоху изобличается законом грех человека и открывается природная божественная мощь; во вторую эпоху усыновляется человек Богу и открывается избавление от греха; в третью эпоху окончательно открывается божественность творческой человеческой природы и мощь божественная становится мощью человеческой. При выделении основных периодов развития общества и культуры, Бердяев использует и известную формулу: «древний мир – средние века – новое (новейшее) время». В античном мире, в Греции Бердяев находит «задатки антропологического откровения»: «Там родина человеческого творчества, родина красоты и познания. И при всяком подъеме человеческого творчества неизбежно обращаются к античному питанию» [2, с. 336].

Н. Бердяев исследует греческое мироощущение, эллинское восприятие мира: «Греки воспринимали мир эстетически, как заверченный и гармоничный космос; величайшие греки, в которых наиболее выразился греческий дух в его силе, а не в слабости, воспринимали мироздание статически, как некоторое классическое созерцание соразмерности космоса» [3, с. 22]. Много

говорят о жизнерадостности греческой религии, о веселом Олимпе, но недостаточно сознают ужас этой веселости и жизнерадостности. Бердяеву открылась безнадежность греческой религии: «Греческая религия привела античную культуру к безысходной тоске, к унынию и мраку, который охватил весь мир в эпоху явления Христа» [1, с.151]. С точки зрения Бердяева, и в религии Индии была признана греховность и бессмысленность бытия и неизбежность мироотрицания, но спасения и воскресения не было. Бердяев находит определенное сходство в мировосприятии греков и индусов: покорность судьбе, аисторичность: «Индусское сознание есть самое антиисторическое из всех сознаний в мире, и судьба индусская есть самая не историческая из всех судеб» [3, с.25]; «для античного человека не было истории. Он не знал исторической дали»; «греческая мысль не знала философии истории» [4, с.381]. Однако древний мир, античная культура и культура Индии и Китая не занимают в исследованиях Бердяева столь значительного места, как культура Средних веков. Как и у Гегеля, метафизичность концепции Бердяева приводит к осязаемой односторонности. История сводится к одной линейно протекающей христианской драме. Все остальные линии представляются Бердяеву маргинальными. Поэтому он едва уделяет внимание Греции и Индии, а Древнему Востоку и исламу вообще не находит места, для него они вне истории.

Значительное место в исследованиях Бердяева занимает культура средних веков. Для него «средние века – самая загадочная и самая чарующая эпоха мировой истории, полная антитезисов и противоречий» [1, с.161]. Бердяев требует оставить старый взгляд на средние века, как эпоху варварства и тьмы. Для него средние века – это эпоха «великого напряжения духа, великого томления по абсолютному, неустанной работы мысли, это эпоха культурная и творческая» [1, с.161]. Бердяев уверен, что будущее человечества станет как бы восстановлением средневековья, будущая философия будет больше иметь общего с философией средневековой, чем с новейшей, новая общественность с теократией. И совершенно особое место в типологии культуры Н.А. Бердяева занимает период Нового (новейшего) времени. Это, по его мнению, один из решающих моментов в судьбе человека: «опыт новой истории есть не что иное, как опыт свободного раскрытия человеческих сил» [3, с.101].

Тема Ренессанса и гуманизма стала для Бердяева центральной темой всей философии истории, темой о судьбе человека. В этой теме сомкнулось мно-

жество значимых для Бердяева проблем: проблема взаимоотношения человека и Бога, проблема творчества и теургии. Бердяева интересует прежде всего духовная основа Ренессанса. Он исследует истоки гуманизма, «самоистребляющую диалектику гуманизма», которая неотвратимо ведет к разложению гуманизма и переходу его в антигуманизм. Весь опыт новой истории и весь Ренессанс для Бердяева не что иное, как испытание свободой, как опыт свободного раскрытия человеческих сил. Сущность и величие Возрождения Бердяев видит в том (как это не парадоксально), что оно не удалось и удастся не могло, «потому что невозможно античное, языческое Возрождение, невозможно Возрождение совершенных земных форм в христианском мире» [3, с.107]. Новейшее время для Бердяева знаменует конец Ренессанса и антигуманистические начала он обнаруживает в философии, морали и общественности. В каждой линии новой истории видит он глубокое разочарование: «не осуществилось ничто из этих стремлений, ни в области познания – в науке и философии, ни в области художественного творчества, ни в области жизни государственной, ни в области жизни экономической, ни в области реальной власти над природой» [3, с.139].

В соответствии с национальным принципом типологии культур, мы находим у Бердяева характеристику особенностей французской, немецкой, русской и даже польской культуры. Остановимся на некоторых из них. Как отмечает Бердяев, вступление германской расы на арену европейской истории было вторжением потока северной варварской крови в культурную латинскую кровь Запада. «Германская раса – варварская, не имеющая кровной преемственной культурной связи с античным миром» [2, с. 525]. Индивидуализм германской Реформации был варварским индивидуализмом в отличие от культурного индивидуализма итальянского Возрождения. Для Бердяева Лютер и Кант – великие варвары. И сам критицизм германской мысли «продукт варварства, не желающего знать кровной, органической, сверхличной преемственности всякой культуры и всякой мысли» [2, с. 525].

В германской культуре Бердяев отмечает варварскую глубину и своеобразную чистоту (честность и верность), индивидуализм и критицизм, который порывает со всяким преданием и объявляет бунт против предания. Эта варварская культура не находит своего воплощения в пластическом искусстве, она остается по преимуществу культурой отвлеченной духовности,

чуждой всему воплощенному и конкретному. Даже у величайших немцев Бердяев не находит утонченности и изящества, потому что еще слишком много в германской культуре варварского и бюргерского здоровья, гете-кантовской срединности. Бердяев часто противопоставляет германскую культуру культуре славянской, в частности русской. Он считает, что славянская культура, в обыденном смысле этого слова, гораздо ниже культуры германской. Но славянская раса приняла в свою плоть и кровь преемственность культуры греческой и византийской. Славянская раса по историческому своему положению антагонистична расе германской, она не может ей подражать и с ней сливаться. Подчинение культуре германской расы задерживает, по мнению Бердяева, славянскую расу в осуществлении ее сверхкультурных, апокалиптических задач. Для Бердяева очевидно, что германская и русская идеи противоположны: «Германская идея есть идея господства, преобладания, могущества; русская же идея есть идея коммюнитарности и братства людей и народов» [5, с. 247].

Следует отметить, что характеристику русской культуры Бердяев дает через анализ национального характера. Бердяев выступает против монистической трактовки русской культуры, определяет ее как дуалистическую, раскольничью. Ей свойственны конфликтность, прерывность. В России отсутствует единая культурная традиция, можно говорить о пяти самостоятельных периодах культуры: киевском, татарском, московском, петровском и советском. Бердяев подчеркивает незначительную формальную одаренность русского человека, которому претит формализм культуры европейской. Русским несвойственен культ чистых ценностей. Самые замечательные слова сказаны Бердяевым по поводу отсутствия в России срединной культуры. Он постоянно подчеркивает разрыв между «докультурностью» и «сверхкультурностью» России.

И, наконец, следует отметить своеобразное решение Бердяевым проблемы «Восток – Запад – Россия». Как отмечает А. Н. Ерыгин: «Это выражается, прежде всего, во включении в мировой культурно-исторический процесс самостоятельной «русской идеи», не повторяющей образов и идей ни Востока, ни Запада, и в положительном решении чаадаевского вопроса о возможности синтеза специфически восточной и западной форм духовности на рос-

сийской почве» [6, С.10]. Миссию России Бердяев видит в том, что она должна быть «Востоко-Западом, соединительницей двух миров» [2, с.524].

В «Философии свободы» (в главе, названной «Философия и религия») Бердяев делает отправной мыслью своей работы, идеей, надолго завладевшей его сознанием, мысль о принципиальном различии органических и критических эпох в истории культуры и мировоззрения: «Критические эпохи по преимуществу о чем-то, органические эпохи по преимуществу что-то». Для первых характерна «болезненная рефлексия, вечное сомнение в себе, в своих правах на обладание истиной... дряблость веры, слабость избрания» и «лишь органические эпохи имеют дерзновение в вере, в любви, в избрании» [1, с.15].

Итак, в соответствии с библейской схемой Бердяев разделяет историю на два периода - до и после Рождества Христова; выделяет два особых типа культуры: языческий и христианский; выделяет три эпохи божественного откровения в мире с соответствующими каждой их них определенным типом сознания и этики. В соответствии с известной классической формулой «древний мир – средние века – новое (новейшее) время» Бердяев раскрывает особенности культуры древнего мира, культуры средних веков и культуры Нового и новейшего времени. Значительное место в концепции Бердяева занимает исследование особенностей национальных типов культур: германской, русской, французской, польской и т. д. Антитеза «Восток – Запад» принимает у Бердяева форму триады: «Восток – Запад – Россия».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободы // Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
4. Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Философия творчества, культуры и искусства. Т.1. М., 1994.
5. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М., 1998.

6. Ерыгин А.Н. Проблема «Восток-Запад-Россия» у Н.А. Бердяева (в историческом и современном контексте) // Философия в пространстве истории. Ростов-на-Дону, 1998.

*Российский государственный
социальный университет*

21 мая 2011 г.
